

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81-24, 81-26

ФОРМУЛЫ ЯЗЫКОВЫХ МУТАЦИЙ

Светлана Владимировна Марковская

МБОУ СОШ №6, г. Мытищи, Россия

Nechay2006@yandex.ru

Аннотация. На основе сопоставления лексики разных языков Евразии, в том числе неродственных, в статье выводятся основные закономерности в чередовании согласных звуков. На ряде примеров автор показывает, что эти чередования группируются в серии, называемые далее формулами звуковых мутаций. Благодаря этим формулам появляется возможность выявить исторически родственные корни и определить наиболее архаичные варианты слов. Автор полагает, что ключевой мутацией, разделившей языки Евразии, было изменение $p > k$, известное в разговорном молдавском, за которым последовала сатемизация $k > s$, по итогам которой принято делить языки на кентумные и сатемные. На многочисленных примерах рассматриваются также мутации вида $l > r > n > d$ и $l > v > h$. Делается вывод о преобладании в реконструируемом ЕА (евразийском) праязыке сонорных звуков и о появлении щелевых и шипящих лишь после распространения праязыка среди антропологически отличных от его носителей племен.

Ключевые слова: палеолингвистика, языковые мутации, диахронические чередования, сатемизация, докентумные языки, ностратические языки

Для цитирования: Марковская С. В. Формулы языковых мутаций // Евразийский филологический вестник. 2023. Вып. 3. С. 44-62.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

FORMULAS OF LANGUAGE MUTATIONS

Svetlana V. Markovskaya

MBEE Secondary School No. 6, Mytishchi, Russia

Nechay2006@yandex.ru

Abstract. The main patterns in the alternation of consonant sounds are derived in the article. The research is based on the comparison of the Eurasia different languages vocabulary, including unrelated ones. Using a number of examples, the author shows that these alternations are grouped into series, hereinafter referred to as sound mutation formulas. Thanks to these formulas, it becomes possible to identify historically related roots and, reversing mutations, to identify the most archaic variants of words. The author believes that the key mutation that divided the languages of Eurasia was the change $p > k$, known in colloquial Moldovan, followed by the satemization of $k > s$, following which it is customary to divide languages into centum and satemic. Mutations of the types $l > r > n > d$ and $l > v > h$ are also considered on numerous examples. The conclusion is made about the predominance of sonorous sounds in the reconstructed EA (Eurasian) proto-language.

Keywords: paleolinguistics, language mutations, diachronic alternations, satemization, precentum languages, nostratic languages

For citation: Markovskaya S. V. Formulas of language mutations // Eurasian Philological Bulletin. 2023; (3): 44-62. (In Russ.).

Введение

Как звучали слова в своем первоначальном виде? Уже много лет ученые пытаются воссоздать древний язык праиндоевропейцев, наших предков. Вопросам палеолингвистики посвятили свои исследования такие выдающиеся ученые, как В. М. Иллич-Свитыч, Н. Я. Марр, В. Н. Топоров. Они рассматривали родство индоевропейских языков с урало-алтайскими, кавказскими, палеозиатскими и семитскими группами языков. В. М. Иллич-Свитыч в работе «Опыт сравнения ностратических языков» [3] привел множество изоглосс из лексики далеких, казалось бы, друг от друга языков. Это может указывать как на древнее родство, так и на древние заимствования. Исследователь предполагал, что все языки Евразии восходят к единому праязыку, который он назвал ностратическим.

Н. Я. Марр, наоборот, допускал, что исходных языков было несколько и что современные языки являются результатом скрещивания или же расщепления исходных простых наречий. Поскольку речь тесно связана с моторикой рук (древнейший язык – это кинетический язык жестов), то первые слова должны нести в себе значение, общее для понятий «рука», «палка», «камень» как первых человеческих орудий. Н. Я. Марр считал, что первая звуковая речь была иератической, связанной с поклонением духам, а значит, была скорее пением. Поэтому предполагается, что исходные фонемы языка были музыкальными, т.е. гласными и звонкими согласными. Марр выделил четыре форманта четырех первых наречий, которые и послужили, по его мнению, центрами кристаллизации речи [4, с. 8]. Исследователь считал, что так звались невидимые силы, от которых чувствовал свою зависимость человек. Но это, собственно, не имена, а обозначения человеческой руки, потому что именно руками и бог, и человек создает и уничтожает вещи мира. И поныне мы говорим: все в руках божьих. Марр прекрасно знал языки Кавказа и приводил оттуда примеры в подтверждение своей теории.

Перспектива свести всю громадную лексику Евразии к ряду простых элементов, которые трансформируются и соединяются между собой по

определенным правилам, служа, таким образом, элементарными частицами языка, из которых, как из деталей лего, строятся слова, безусловно, казалась Марру очень заманчивой. К сожалению, она утопична в силу многих причин. Одна из них – мы не знаем, каким был фонетический состав древнейшей речи. Набор согласных звуков даже для современных языков сильно различается. В русском языке нет щелевых *th*, *dh*, как в английском, арабском, греческом или башкирском. Английское [r] отличается от французского и тем более русского. Много непривычных для нашего слуха звуков в арсенале кавказских и африканских языков. Н. Я. Марр считал, что древнейшие звуки были диффузными, неопределенными, именно поэтому легко трансформировались в другие [4, с. 15].

Другая причина – мы не знаем, какими были исходные морфемы. Предполагается, что это были слова-слоги типа CVC (согласная-гласная-согласная). Наконец, правила, согласно которым одни звуки трансформируются в другие (диахронические и гомохронические чередования), не все изучены и не всегда работают.

Тем не менее, в языкознании, как нам кажется, назрела необходимость в систематизации лексики родственных языков в их фонетическом отношении друг к другу так, чтобы, например, переход от русского «дверь» к английскому «door» или от английского «short» к молдавскому «скурт» (короткий) был вполне логичен и прозрачен. Это, помимо прочего, стало бы неплохим подспорьем для школьников и студентов, изучающих иностранные языки.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Почти на всех языках люди говорят не так, как пишут. Этот зазор между устной и письменной речью является результатом языковых мутаций, которые во многих случаях закрепились и в письменной форме. В результате мы воспринимаем как разные слова то, что когда-то было вариантами произношения одного и того же слова. Например, в молдавском языке есть близкие по значению пары глаголов: *скутур* (трясти) – *згудур* (трястись), в

русском дубина – тупица, корень которых отличается только звонкостью согласной.

Для молдавского языка характерны сильные расхождения между устной и письменной речью (письменной [п] соответствует устная [к], д > г, ф > ш, м > н, б > г и др.). Именно молдавский натолкнул нас на поиски соответствий этим мутациям в разных языках. Сопоставив названия одних и тех же объектов в разных языках, мы обнаружили следующее:

➤ Всеобщность мутаций. Так, не являются локальными явлениями ни ротацизм, ни исторические чередования в славянских языках, ни гомохронические чередования в молдавском языке.

➤ Направленность мутаций. В общем случае мутации направлены от звонких губных и зубных звуков к глухим заднеязычным; от смычных к щелевым.

➤ Наконец, самое интересное наблюдение: мутации группируются в серии, которые начинаются сонорными и заканчиваются в пределах шипящими звуками.

Примеры серии $m > p > k > s$:

муррь (лес, эвенк.) – рел (дерево, греч.) – гора (лес, болг.) – кринг (роща, молд.);

мареве – рiго (огонь, греч.) – гореть – калить – солнце – сал (огонь, мар.);

того (гора, испан.) – пур (гора, эрзя) – гора – sierra (гора, испан.).

Нетрудно заметить, что в приведенных сериях все слова восходят к одному и тому же корню, назовем его условно *mag**. Следует добавить, что в отличие от традиционной индоевропеистики, гласные нами вообще не учитывались, как элементы неустойчивые и потому малоинформативные, поэтому гласная может быть любая. По-видимому, корень *mag** нес в себе множество значений, основные из которых *земля, вода, огонь, дерево*. Подобную многозначность можно наблюдать в китайском, валлийском и других языках с древней историей. Но что заставляло людей объединять столь разные явления? Подсказку дает еще одно значение форманта, которое всегда

связно с рукой (конечностью). И это не удивительно, если учесть, что первым языком человека был язык жестов. В поисках родственных слов, связанных цепочками мутаций, мы опирались именно на это свойство языка.

Логично предположить, что если два слова с одинаковым значением отличаются лишь одной согласной, то эта согласная подверглась мутации. Примеры чередований парных согласных [6, с. 5]:

дес (часто, молд.) – тесно
сарэ (вечер, молд.) – заря
тагг (брат, албан.) – брат
мел – белый.

Очень часто в русском языке встречается мена $l > r$:

плести – прясть
лексика – речь
лес – роца
волос – ворс
локоть – рука.

Ротацизм, известный больше на материале тюркских языков, на самом деле широко представлен в индоевропейских языках:

курень – касэ (дом, молд.)
кирка – косор (нож, молд.)
корн (рог, молд.) – кость
марь (лес, мар.) – мосаг (то же, эвенк.)
вирь (село, мар.), villige (то же, англ.) – весь (то же, др. рус.)
пря (голова, мар.) – башка, башня
бор – bush (куст, англ.)

Рубежным для языков оказался переход $p > k$, в звонком варианте $b > g$. В нашей книге «Формулы языковых мутаций» [6, с. 8] приведено гораздо больше таких примеров:

перт (дом, мар.) – курте (двор, постройка, молд.), русское курень;
патру (четыре, молд.) – cuatro (то же, испан.);

апэ (вода, молд.) – aqua (вода, лат.)

pool (лужа, англ.) – кул (озеро, тюрк.)

poli (много, греч.), mare (большой, молд.) – кара (большой, тюрк.)

поляна – колинэ (то же, молд.)

rule (птица, лат.) – курица

пиво – квас.

После перехода $p > k$ стал возможен переход $k > s$, по наличию которого принято делить языки на кентумные и сатемные. Считаем, что это деление некорректно, т.к. описывает лишь часть процесса $m > p > k > s$. Гораздо логичнее было бы направить усилия на поиски докентумных языков, в которых переход $p > k$ не совершился. Таким образом, латинскому *centum* и русскому сотня предшествовало греческое *penete* (пять), которое обозначало, по видимому, руку с пятью пальцами, как максимальное число. А прежде *penete* было слово, близкое к латинскому *manus* (рука) и саамскому *mongo* (первый). Названия руки также образуют серию, например: брац (рука, молд.) – правый – *kaïro* (левый, литов.) – сол (левый, мар.) – шуйца (левая рука, др. рус.).

Таким образом, античное высказывание, гласящее, что человек есть мера всех вещей, обретает новый смысл. Действительно, человек соотносил с собой все окружающее, от которого себя самого не отделял. Он воспринимал себя частью леса, в котором жил, могучим деревом – с ветвями, кроной, вершиной. Поэтому названия человеческих конечностей и частей дерева находятся в прямом родстве.

Если руки воспринимались как ветки, то орудия, инструменты, созданные человеком, долгое время ощущались им как продолжение руки. Тесно связаны между собой слова, обозначающие землю – и ноги, ходьбу, перенесение груза. Тот факт, что от одного и того же корня происходят слова для обозначения ног и рук, указывает на огромную древность подобной лексики – ведь когда-то, действительно, ноги служили человеку для лазанья, борьбы и прочих нужд не меньше, чем руки. Когда руки стали более умелыми, а пальцы ног потеряли

былую подвижность и были упрятаны в обувь – тогда началась, можно сказать, человеческая история.

Самое удивительное, что в совершенно разных языках связь между частями тела и ветвями дерева прослеживается одинаково ясно. Это говорит о некоем едином архетипе, по которому развивались языки. Как сказали бы древние греки, похоже на то, что в мире сначала родилась идея, прообраз, а уж потом развились отдельные языки [5, с. 16].

Понятие языка, речи, тоже связано с рукой, а значит, опосредствованно, с указанным блоком понятий. Так, тюркское *dili* (язык) соотносится с древнерусским *длань* (рука), марийское *мат* (говорить) восходит к корню *mongo* (первый, саам.), откуда латинское *manus* (рука).

Умный человек, с точки зрения наших предков, это в первую очередь человек умелый. А умелый значит рукастый. Поэтому все такие прилагательные связаны с понятием «рука». Мудрый – от корня *mongo*, от этого же корня и *manas* (разум, санскр.), и русское *память*. Английское *clever* (умный) – от *кол* (рука в тюркских языках).

Общий ход мутаций выглядит так: от сонорных – к шипящим, от звуков полного смыкания – к щелевым, от переднеязычных – к заднеязычным, а затем их палатализация до шипящих. Переход к шипящим и заднеязычным мог быть вызван смешением с племенами, анатомически отличающимися от носителей языка: разная форма черепа, устройство артикуляционного аппарата привело к диссоциации языка.

Анализ ряда других мутаций привел нас к выводу о существовании также серий $m > n > d$ и $m > f > t > s$. Это позволяет объединить одним происхождением такие, на первый взгляд, этимологически далекие слова, как *мэр* (яблоня, молд.) – *нар* (гранат, тюрк.) – *дерево* или *море* – *него* (вода, греч.) – *deya* (море, тур.).

Интересная серия мутаций связана с согласной «l». Мы уже упоминали ротацизм, который проявляется даже в глагольных формах английского языка: *are – is, were – was*. Вторая формула, $l > r > n > d$, позволяет связать такие

лексемы, как *leg* (нога, англ.) – нога, лавр – дафин (то же, молд.), речь – *dicto* (говорить, лат.), *novem* (лат.) – девять. Интересно, что такие мутации широко представлены в саамском языке. Восходят данные серии к форманту, реконструируемому как *limb* (конечность, англ.).

После мены $p > k$ лумь превращается в *locus* (место, лат.), а при дальнейшей палатализации $k > s$ – в «лес». От лумь – *луме* (люди, мир, молд.), а при мене $m > d$ – *люди*. При мене $l > r$ *land* (земля, англ.) трансформируется в «рынд» (ряд), соотнесем это с *лента*, а при упрощении звука – в *ряд* и *род*. *Radix* на латинском означает корень, т.е. род – это происхождение человека, линия его предков. При дальнейшей мене $d > z$ получаем глаголы *лезть*, *резать*, *рушить*.

Ниже мы приведем несколько примеров, в которых отчетливо проявляется работа указанных мутаций:

улу (дерево, эвенк.) – улм (ильм, молд.) – лумь (лес, эвенк.) – лавр – липа – *log* (бревно, англ.) – *locust* (белая акация, англ.) – лэстарь (ветка, молд.) – лист;

лея (вода, карел.) – ливень – *limni* (озеро, греч.) – луххт (залив, саам.) – *lake* (озеро, англ.) – лунтре (лодка, молд.) – лодка;

levin (молния, англ.) – *lux* (свет, лат.) – *loserna* (светильник, греч.) – *lantern* (фонарь, англ.);

lilario (ивняк, греч.) – *louros* (палка, жердь, греч.) – лоза – узел;

leveret (зайчонок, англ.) – *lepure* (заяц, испан.);

levin (молния, англ.) – луминэ (свет, молд.);

lufos (холм, греч.) – лумь (лес, эвенк.).

Впрочем, здесь нужны дальнейшие исследования, т.к. ряд соответствий приводят к корням типа *lul** и *mum**. Под вопросом остается возможность чередования $l > m$.

Сопоставление лексики разных языков заставляет думать, что согласным *m*, *n*, *l* предшествовали или составляли с ними пару такие сложные звуки, как *mn*, *mb*, *nd*, *nk*, *ng*, *tl*, *dl*. Именно в распаде этих сочетаний и кроется причина многих мутаций. Так, молдавскому *рынд* соответствует русское *ряд* с тем же

значением, молдавскому думбравэ – русское дубрава, откуда ясно, что первоначальное название дерева – не дуб, а думб, а учитывая мену $l > d$, то и вовсе лумь (лес, эвенк.). В английском языке сохранилось родственное слово *limb*, сопоставим его с *луна*, *лана*. Англичане недалекого человека назовут почти по-русски *dumb* (тупица), хотя дуб на английском называется иначе (*oak*). Изначально это значило просто дерево. Можно предположить, что *lamb** – формант, от которого происходят и дуб, и *lumen* (свет), и *limni* (озеро, греч.).

Интересны примеры серии $l > r > n$:

репа – *rabu* (то же, испан.)

курица – *hen* (то же, англ.), канна (то же, фин.)

гореть – *can* (белый, сияющий, валл.), *candra* (луна, санскр.)

мора (песня, эвенк.) – пение

мого (гора, испан.) – *mountain* (то же, англ.)

Мутация $mb > nd > d$ дает примеры перехода $m > d$:

море – *degya* (море, тур.)

mons (гора, камень, лат.) – *dens* (зуб, лат.)

Мы полагаем, что слова древнего языка не начинались на гласную, и что там, где гласная в начале слова есть, нужно искать выпавшую согласную «м», «л» или «с». Это очевидно в примерах *lerure* (кролик на албанском) – *епуре* (то же на молдавском), *azul* (синий на испанском) – лазурь. Менее очевидно, но убедительно равенство в примерах *мого* (гора, испанский) – урал (гора, марийский), или язык – лизать – *lingua* (язык на латинском). По той же логике русское «узел» родня слову лоза, которое, в свою очередь, тесно связано со своими аналогами в марийском (луз) и молдавском (лэстарь).

Мутацию $l > n$ мы видим даже в таких мелочах, как отрицательная частица: арабское *ля* соответствует европейскому *но*. И поскольку это произошло очень давно, возникает гипотеза, что в истоках индоевропейских языков лежит смешение прафинно-угорских и прасемитских наречий. Последние как раз обладают флективностью, которой почти нет в урало-алтайских языках. Если следовать нашей гипотезе о древней замене $l > d$

(кстати, в финно-угорских языках слов с начальной *d* практически нет), то можно восстановить некоторые латинские слова таким образом:

dominante (доминирующий) – *luminante* (от корня *лумь* – гора, высота, свет);

deca (десять) – *limb* (лапа, рука, используемая при счете);

daemon (демон, лат.) – *limbon* (высший, сияющий).

Согласная «*l*» дает еще одну мутацию $l > h$. Так, арабское *habibi* (милый) соответствует русскому любимый, молдавское *леля* (старшая сестра, тетя) – тюркскому *хала* (то же значение), русское *лекарь* – албанскому *heqim* (то же), луна – албанскому *hene* (то же).

Английское *haft* (рукоятка) должно происходить от корня со значением «рука». Действительно, при подстановке $h > l$ и восстановлении сложного звука *mb* имеем *lambt*, что связано с лапа и *limb* (конечность, англ.). С этим же корнем должно быть связано слово *hammer* (молоток, англ.) как орудие труда, и само слово *hand* (рука) через мену *lamb – land – hand*.

Но согласная *h* легко чередовалась с *g* или терялась, как в примерах хор – оратория, город – ораш (город на молд.). *Limni* на греческом означает «озеро». Отсюда в греческом название *гемма* или *hemma* для крови. Сточки зрения древних, это вода тела.

Подобно античному Протею, певучие «*м*» и «*л*» меняют свой облик: *marevo – fire – rigo*, или скрываются (как в словах *алый, ярый*). С точки зрения лингвистики древние божества *Марс, Арес, Перун, Велес* носят одно и то же имя, точнее, эпитет: *светоносный*, он же *высочайший* и *всемогущий*. Слова *могучий, мудрый, сильный, ловкий*, как и остальные эпитеты такого рода, во всех языках связаны с понятием «рука».

По глаголу со значением «работа» безошибочно можно восстановить слово, которым обозначалась рука. Так, молдавское «*мункэ*» (труд) восходит к *mane* (рука, лат.), английское *labour* и *работа* – к «лапа», молдавское *лукру* (работа) – к «рука», труд – к *tur* (рука). Также от понятия «рука» или «конечность» происходят все глаголы с значением «битва». От лапа – *лупта*

(битва, молд.), от *tug* – драка, от *пря* (сравним с *перст*) – распря, от *мар* – *war* (война, англ.). От *limb* (конечность) происходят молдавские глаголы *примблэ* (гулять) и *ымблэ* (ходить). А с меной *mb > nd > d* отсюда же получился глагол *lead* (вести, англ.) и его дериват, слово *лидер*.

Понятия «мыслить, говорить» тоже всегда тесно связаны с обозначением руки. Так, соотносятся *logia* (думать, греч.) – и *локоть* (когда-то так называлась вся рука, точнее, конечность, как и *leg*). От *leg* происходит и *language* (язык, англ.), так же, как от *limb* (конечность) – *лимба* (язык, молд.). От *manus* (рука, лат.) происходят такие слова, как *manute* (думать, санскр.), *мынкаре* (еда, молд.), *мээнэ* (идти, саам.), *менять*, *миновать*, *манить*, *обмануть*, *змунчи* (дергать, молд.).

Слово *leg* (нога) имеет еще одно значение – *связь* (сравним *конечность* – и *конец веревки*). *Ходьба*, действительно, есть то, что связывает две локации, поэтому слова с значением «дорога» всегда имеют также коннотацию «связь, нить». Производное от этого корня *rig* (король, греч.) поэтому можно понять и как «вождь», и как «связной между небесным и земным».

Вслед за Н. Я. Марром мы полагаем, что древнейший язык был священным, предназначенным для пения гимнов – именно поэтому музыкальным, с преобладанием сонорных согласных. И лишь спустя столетия язык стал частью повседневной жизни и средством общения.

Постепенно стали вырисовываться контуры одного или, скорее, нескольких праязыков, которые, сначала слившись, а затем, наоборот, фрагментируя, и дали начало современным языкам Евразии. То, что языков было несколько, следует из наличия слов-билингв. Так, говоря *трава-мурава*, мы уже не помним, что *мурава* на санскрите и есть *трава*. Точно так же в выражении «аника-воин» слово «аника» и значит *воин*. Билингвами являются многие топонимы. Например, «Марьина роща» и означает «роща», потому что происходит от финно-угорского *марь* (лес). Река *Ока* – просто *река*, потому что «ока» и есть *река*.

Мы исходим из предположения, что древние не склонны были изобретать новые слова, но использовали старые, добавляя к ним детерминативы. Ведь именно так поступаем и мы, когда нужно подобрать название для нового понятия – мы обращаемся к греческому или латинскому языку. Именно поэтому слова любого языка представляют собой некую «квантовую запутанность», так что, стоит потянуть за одну ниточку – и все оказывается связанным со всем. Во всех индоевропейских языках слова для обозначения леса и горы составляют один нерасчленимый комплекс. Значит, родина этих языков не была равниной, но не была и высокогорьем. Это были скорее холмы, невысокие горы, наподобие Урала.

Мы полагаем, за спиной урало-алтайских и индоевропейских языков стоит другой, древний язык, который, видимо, был социально престижен, раз им овладевали, несмотря на сопротивление собственного артикуляционного аппарата. Следы этого могучего языка сохранились по всей Евразии, но особенно – в нашей родной русской речи. Подобно тому, как реликтовое излучение пронизывает галактики, он струится сквозь нашу речь и, быть может, определяет наш разум.

Заключение

Полагаю, нам удалось доказать, что огромный пласт лексики евразийских языков восходит к двум формантам, реконструируемым приблизительно как *limb** и *mag**, и что фонетические мутации проходили по указанным нами направлениям. В общем виде этот вектор можно обозначить как тенденцию к понижению звонкости и палатализации согласных. В самом начале мы сделали допущение о переходе от звуков полного смыкания к щелевым, что и определило общее направление дрейфа звуков. Мы полагаем, что щелевые звуки появились в результате дефекта артикуляции у части племен, усвоивших праязык, и что позже это закрепилось в качестве нормы. То же касается палатализации, свойственной тюркским, финно-угорским и отчасти русскому языку.

Сдвиг произношения от звуков переднего ряда к заднему мог быть обусловлен антропологическими особенностями строения черепа. Так, слабо развитая нижняя челюсть не позволяла бы правильно артикулировать свистящие и шипящие, из-за чего эти звуки заменялись латеральными или заднеязычными. От формы головы – брахицефальной и долихоцефальной – зависит также артикуляция гласных. У уральских народов гласные «стерты», в безударном положении опускаются или произносятся как «ы». Недостаточно развитый речевой аппарат мог также вызвать «передний сдвиг гласных», отмеченный лингвистами не только у германских, но и, например, в украинском языке (огурец – огирок). Следственно, некий язык, устроенный достаточно сложно фонетически, был получен в наследство племенами смешанного происхождения, каждое из которых упростило его в силу своих анатомических особенностей. Поэтому простые названия вещей в эвенкийском или марийском языке (мо – вода, лу или по – дерево и пр.) являются упрощенными версиями исходных слов.

Анализируя формулы фонетических мутаций, можно прийти к неожиданному выводу, что набор согласных праязыка ограничивался несколькими парами звуков, противопоставленных по звонкости: $m > mb > b$, $n > nd > d$, $l > lr > r$ (звук lr известен в марийском, остальные в индоевропейских языках), $l > ln > n$. Тенденция к оглушению привела затем к появлению звуков $[p]$, $[t]$, а замена звуков полного смыкания на щелевые – к появлению $[dh]$, $[th]$, $[f]$, $[v]$, $[s]$, $[z]$, sh . Наконец, артикуляционный переход от звуков переднеязычных к заднеязычным – к появлению $[g]$, $[k]$, $[h]$ и их вариантов, которых в языках мира очень много.

Но звук $[s]$ мог появиться как в результате палатализации $k > s$, так и через ротацизм $l > r > z > s > sh$, и даже через мену $t > s$ (переход к щелевым). Причиной ротацизма могло быть наличие сложного звука, приблизительно передаваемого как $[lz]$ и образующегося из серии: $l > ln > ld > lz(rz)$. По крайней мере, в молдавском языке есть примеры такого чередования: арде (горит) – арзь (горишь), перде (теряет) – перзь (теряешь), верде (зеленый) – варзэ (капуста).

Вопрос о происхождении согласного [s] важен, т.к. определяет, как реконструировать определенное слово: через ротацизм или переход $p > k$. Если верно второе, то можно связать слова стезя – и путь, солома – и полова, молдавское солзь (чешуя) – и пул (рыба, тюрк.). Если верно первое, то родственными оказываются русское свет – и латинское *lumen*, английское *girl* (девочка) и тюркское гыз (то же). Третий вариант демонстрирует пара *sierra* (гора, испан.) и *terra* (земля, греч.). Но может быть и четвертый вариант: в каких-то случаях [s] не производна и относится к лексике совсем иного языка.

С другой стороны, праязык, о котором мы говорим, распространился не в вакууме. Наверняка его носителям приходилось взаимодействовать с людьми, говорящими на других языках. Поэтому число формантов с значениями дерево-земля-вода-огонь нельзя свести к найденным нами *limb** и *mar** (точнее было бы *mal**). Любой достаточно старый язык избыточен: каждое понятие в нем можно обозначить синонимами, образованными от разных основ. Так, часть дерева, расположенную выше ствола, мы можем назвать веткой или суком, на молдавском – крянгэ или рам, другие индоевропейские языки дадут нам еще с десяток основ. И от существительного «вода» мы образуем разные, неродственные ему дериваты: пить, лить, мочить, течь. Косвенным образом на параллелизм основ указывают слова-билингвы: так, латинское *arbor* (дерево) распадается на два корня: *ur < tur* и *bor < mar*, т.е. на два изначально идентичных корня, которые в какой-то момент перестали восприниматься как родственные. Так часто бывает: слово «генетика» мы считаем заимствованным, хотя оно является родственным русским словам «кон», «исконный», «испокон».

Наши поиски докентумного языка не увенчались успехом: во всех, даже архаичных евразийских языках уже наблюдается в той или иной степени мена $p > k$. Это значит, что поиски нужно продолжить. Нужно исследовать языки малых народов России, многие из которых находятся на грани исчезновения.

Хочется сделать замечание по поводу особого положения молдавского языка, который оказался связующим звеном между финно-угорскими, славянскими и западноевропейскими языками. Благодаря тому, что долгое

время этот язык оставался бесписьменным, он сохранил в неизменной форме многие древние основы. Саам, литовец, грек и, конечно, русский услышат в молдавской речи знакомые слова. Именно гомохронические чередования устного молдавского языка указали нам на важность мутации $p > k$.

Сходную роль связующего звена между финно-угорскими, славянскими и тюркскими языками играет чувашский язык. В нем практически не наблюдается переход $r > s$, свойственный остальным тюркским языкам, многие лексемы сохранили докентумный облик. Например, *палан* на чувашском означает *калина*, название это происходит от красного цвета ягод (сравним с *пламя*, *палить*). Чувашское [п] зачастую соответствует тюркскому и русскому [в]: *пекша* (белка, чуваш.) – *векша* (белка, рус. диал.), или русскому [к]: *пура* (сруб) – *курень*, что указывает на наличие серии.

Считаем, что предложенный инструмент анализа и сопоставления языков поможет в дальнейших исследованиях: необходимо изучить языки русского Севера и Дальнего Востока где, возможно, сохранились еще диалекты, не утратившие докентумные формы. Необходимо также вычленил из евразийских языков и собрать воедино всю старую лексику, послужившую источником для современных языков. Россыпи такой лексики хранит наш бесценный русский язык. Лишь собрав эту лексику, можно делать выводы о географическом, социальном, экономическом состоянии народа, для которого язык был родным. В исследования нужно включить семитские языки, которые в данной работе не рассматривались, и валлийский с его удивительными мутациями.

Языки Западной Европы также необходимо заново исследовать с точки зрения звуковых мутаций. Так, нужно учесть, что сдвоенным согласным предшествовали сочетания двух разных, ассимилировавших согласных; что удвоенные гласные являются маркером утраченной сонорной или аспиранта, что все правила чтения английских слов являются на деле реализацией определенных мутаций, т.е. искажением старого корня. Там, где в начале слова есть открытая гласная, наверняка следует искать утерянный сонорный звук. То же касается слов, оканчивающихся на гласную. Если принять идею, что

структура слога некогда была CVC, то в конце слова также следует искать утерянный звук, причем это может быть не только сонорный, но и щелевой. Если соседствуют два шумных звука, между ними нужно искать выпавшую гласную.

Таким образом, используя предложенные ключи, предстоит заново изучить словари народов Евразии и Северной Африки, выявить лексические цепочки, связанные мутациями одного и того же корня, и тем самым наметить контуры праязыка. Возможно, на этом пути встретятся новые мутации. Возможно, найден будет не праязык, а целая группа их.

Список литературы

1. Албанско-русский словарь. М: T&P Books Publishing. 2019. 200 с.
2. Англо-русский словарь. М: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1961. 992 с.
3. Большой марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767> (дата обращения: 13.08.2023).
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры. 2004. 872 с.
5. Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы: сравнительно-типологические очерки. М.: Наука. 1965. 298 с.
6. Иллыч-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь, в 3 томах. / Под ред. В. А. Дыбо. М.: Наука. 1971-1984. 414 с.
7. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. М: «Дом славянской книги». 2021. 927 с.
8. Марр Н. Я. Избранные работы, т. 1-5. М. Л., 1933-37. Москва-Ленинград: Наука. Издание в 5 томах, 1987 с.
9. Марковская С. В. Формулы языковых мутаций. М.: Литрес. 2023. 156 с.

10. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры. 2018. 814 с.

References:

1. Albansko-russkij slovar'. M: T&P Books Publishing. 2019. 200 s.
2. Anglo-russkij slovar'. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 1961. 992 s.
3. Bol'shoj marijsko-russkij slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767> (data obrashcheniya: 13.08.2023).
4. Zaliznyak A. A. Drevnenovgorodskij dialekt. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2004. 872 s.
5. Ivanov V. V. Obsheindoevropeskaya, praslavyanskaya i anatolijskaya yazykovye sistemy: sravnitel'no-tipologicheskie ocherki. M.: Nauka. 1965. 298 s.
6. Illych-Svitych V. M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskij, kartvel'skij, indoevropeskij, ural'skij, dravidijskij, altajskij). Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar', v 3 tomah. / Pod red. V. A. Dybo. M.: Nauka. 1971-1984. 414 s.
7. Novyj latinsko-russkij i russko-latinskij slovar'. M: «Dom slavyanskoj knigi». 2021. 927 s.
8. Marr N. YA. Izbrannye raboty, t. 1-5. M. L., 1933-37. Moskva-Leningrad: Nauka. 1987 s.
9. Markovskaya S. V. Formuly yazykovyh mutacij. M.: Litres. 2023. 156 s.
10. Toporov V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2018. 814 s.

Информация об авторе:

С. В. Марковская – учитель, МБОУ СОШ №6 г. Мытищи

Information about the author:

S. V. Markovskaya – teacher, MBEE Secondary School No. 6, Mytishchi

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 28.09.2023.

The article was published 23.08.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.